

Жиля де Ре исчезновением старого порядка, Турнье указывает на появление нового: мрачная феодальная среда Бретани, которой принадлежит де Ре, явно противопоставляется раннему Возрождению Северной Италии, олицетворяемому фигурой священника Франсуа (Франческо) Прелати. Тем удивительнее, что эти ренессансные воззрения не отвращают от преступления. Напротив, именно флорентиец и его современные представления о препарировании и алхимии подтолкнули де Ре к убийствам в замке Тиффож. Посредством соотнесения исторических эпох с конкретными фигурами, итальянский священник Франческо Прелати воплощает человека эпохи Возрождения, контрастирующего со средневековым типом преподобного отца Эсташа Бланше.

Таким образом, через бинарные оппозиции и им соответствующие инверсии в романе раскрывается динамика, связанная с циклической концепцией художественной и исторической правды. В параллели между Жилем и Жанной, осужденной церковью и сожженной на костре, Турнье находит ключ к авторскому видению Жилия – человека, обретшего святость перед самой смертью именно потому, что пытался стать дьяволом: «Свет неба и адское пламя гораздо более близки, нежели нам кажется» [3, с. 75]. Благодаря внедрению документальных источников в художественное пространство романа, М. Турнье размывает границы реального и вымышленного, создавая уникальную основу для построения идентичности главных героев.

Список использованной литературы:

1. Tournier, M. Le vent paraclét / M. Tournier. – Paris : Seuil, 1977. – 293 p.
2. Chiffolleau, J. Dire l'indicible : remarques sur la catégorie du nefandum du XIIe au XVe siècle / J. Chiffolleau // Annales. Économies, Sociétés, Civilisations. – 1990. – № 2. – P. 289 – 324.
3. Tournier, M. Gilles et Jeanne / M. Tournier. – Paris : Gallimard, 1994. – 160 p.
4. Bataille, G. Procès de Gilles de Rais. Documents précédés d'une introduction de Georges Bataille / G. Bataille. – Paris : Club français du livre, 1959. – 366 p.
5. Bossard, E. Gilles de Rais, maréchal de France, dit Barbe-Bleue / E. Bossard. – Grenoble : Jérôme Million, 1992. – 332 p.

С. Ф. Мусиенко,

доктор филол. наук, профессор (Минск, Беларусь)

ЖАНРОВОЕ НОВАТОРСТВО ЭПОХИ РОМАНТИЗМА В АНГЛИЙСКОЙ И РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (ДЖ. Г. БАЙРОН – А. С. ПУШКИН)

Аннотация. В статье рассматривается проблема жанровой принадлежности произведений Дж. Г. Байрона «Дон Жуан» и А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Приметы жанрового обновления отмечаются в лиро-эпических поэмах Байрона «Паломничество Чайльд-Гарольда» и Пушкина «Руслан и Людмила» (герой с типичными чертами своего времени, сюжет – его странствия с показом мест пребывания). На основании изученных произведений делается вывод о создании Байроном и Пушкиным нового жанра реалистического романа в стихах.

Ключевые слова: роман в стихах; художественный прием; мир; страна; реальность; жанр; тема; проблема; история; современность; психология; паломничество; эволюция.

S. Ph. Musiyenko,

Ph. D., Professor (Minsk, Belarus)

ROMANTICISM GENRE INNOVATION IN ENGLISH AND RUSSIAN LITERATURE (J. G. BYRON – A. S. PUSHKIN)

Abstract. *The article deals with the problem of genre affiliation of J. G. Byron's «Don Juan» and A. S. Pushkin's «Eugene Onegin». Signs of genre renewal are noted in lyric-epic poems «Childe Harold's Pilgrimage» and «Ruslan and Ludmila» (hero with typical features of his time, plot – wanderings with presentation of places of stay). On the basis of the studied works it is made a conclusion about creation of new genre of realistic novel in verse by Byron and Pushkin.*

Key words: *novel in verse; world; country; reality; genre; theme; problem; history; modernity, psychology; pilgrimage; evolution.*

Два великих поэта начала XIX века своим творчеством определили развитие не только национальной культуры своих народов, но и литературного процесса Европы и мира. Их произведения завоевали сердца читателей и критиков многих стран, отличались неповторимой художественной силой, смелостью проблематики и жанровой новизной. Оба прожили очень короткую и по-своему драматическую жизнь: Дж. Г. Байрон (*George Gordon Byron, 1788–1824*) и А. С. Пушкин (1799–1837). История распорядилась так, что оба гения жили в одно время, были величайшими поэтами своей эпохи, испытали гонения и преследования общества за свободолобивые идеи, обостренное чувство справедливости, а главное – за критику существовавшего в XIX веке мироустройства своих стран и несовершенства общества. Их произведения приобрели необыкновенную популярность еще при жизни авторов, но истинную значимость поймут и оценят лишь грядущие поколения. Достаточно вспомнить, что уже первые поэтические опыты относятся к миру детства, а произведения лиро-эпического характера появятся у Байрона в 23 года (1, 2 песни поэмы «Паломничество Чайльд-Гарольда» в 1812 году), у Пушкина в 21 год (сказочно-романтическая поэма «Руслан и Людмила» в 1820 году). Оба произведения и сегодня в XXI столетии не утратили своей новаторской идейной и художественной значимости. Они входят в школьные и университетские программы, переводятся на множество языков, оставаясь образцами эстетического изящества и жанровой неповторимости. Независимо друг от друга оба создали эпохальные новаторские произведения – лиро-эпические поэмы: Байрон – на современную тему, с новым типом героя и новой концепцией мира; Пушкин современность «спрятал» под покров сказочного фольклора и далекой истории периода Киевской Руси. Сюжет обеих поэм – странствие героев в пространстве и в естественном течении времени. Фактор пространства у Байрона определяется обычаями английской аристократии своих молодых людей отправлять в путешествие. Таким Байрон показал и своего героя Чайльда Гарольда. Выбор географии странствия определяет сам герой в зависимости от собственных желаний, поэтому в произведениях два проявления сюжета – пространство и время. Они выступают в гармоничном единстве и выражаются в реалистических картинах тех мест, которые посещает герой. У Байрона странствия аристократа служат познанию окружающего мира, в связи, с чем психологический фактор (новый прием в литературах романтизма) Байрон воплощает в лирических отступлениях и героя, и самого автора, подчеркивая, что характер Гарольда не изменяется: он остается эгоистичным, но и трагически одиноким.

Основой сюжета в «Руслане и Людмиле» так же является странствие в пространстве и реально текущем времени, но цель путешествия – нравственно-эмоциональная – поиск злыми силами красавицы княжны Людмилы, в которую влюблены четверо юношей. Каждый из них представлял не только национальный типаж, но и проявление своей индивидуальной натуры, раскрываемой в процесс течения повествования. Влюбленный храбрец Руслан на собственной свадьбе «считает мгновения» и «щиплет ус от нетерпения». Его соперники «воитель смелый» Рагдай, «крикун низменный», «но воин скромный» Фарлаф и «хазарский хан» Рагмир, «полный страстной думы» – все трое потерпели в любви фиаско, поэтому «бледны и угрюмы».

Итак, лирический фактор в обоих произведениях связан с деяниями главных лирических героев – Чайльда Гарольда у Байрона и Руслана, трех его соперников и фольклорных персонажей: старца – пустытника, Головы – у Пушкина. Лирическую функцию в обоих произведениях выполняют лирические отступления и героев, и авторов. Правда, следует подчеркнуть разницу между авторским восприятием мира и восприятием его

героями. Чайльд Гарольд оценивает мир с позиций собственного эгоизма, пресыщенности жизнью и трагического одиночества.

«Но часто в блеске, в шуме людных зал

Лицо Гарольда муку выражало.

...

Ни с кем не вел он дружеских бесед...

...

И в мире был он одинок» [1, С. 141]

Введением Чайльда Гарольда Байрон открыл в истории мировой литературы две важные тенденции. В лице Гарольда он показал романтического героя – одиночку, снискавшего огромную популярность в культуре 1-й пол. XIX века. И в то же время Байрон наделяет героя реалистическими чертами, которые будут свойственны литературе периода критического реализма. Подобного рода персонаж будет назван «лишним человеком» и наиболее ярко и своеобразно проявится в творчестве И. С. Тургенева.

Чайльд Гарольд представлен в двойном освещении: самохарактеристике – одинокий страдалец, праздно живущий аристократ, в освещении автора – эгоист, бесстрастный с холодным сердцем, наблюдающий жизнь со стороны. С помощью психологических характеристик Байрон представляет его и социальным типажом аристократии, и психологически обоснованной неповторимой художественной личностью.

Романтическим героем, но обогащенным национально-реалистическими чертами, представлен своеобразный антипод Чайльду – Руслан в поэме Пушкина. В отличие от Чайльда, в своем путешествии лишь наблюдающего мир, Руслан отправляется в странствие во имя благородной цели: вернуть похищенную злыми силами любимую девушку, олицетворяющую добро и любовь. Пушкин также показывает Руслана в нескольких восприятиях: для Людмилы – он возлюбленный герой, для Солнышка-Владимира – храбрый воин, для претендентов на руку и сердце Людмилы – соперник, даже представители мира зла признают его храбрость и благородство. И, когда Руслан вступает с ними в борьбу, то становится лицом к лицу, не прибегая к хитростям. Благородство и героизм героя подтверждается и характеристиками автора. Руслан

«Свой путь отважно продолжает...

Преграды новые встречает:

То бьется он с богатырем,

То с ведьмою, то с великаном...

Но тайным промыслом храним,

Бесстрашный рыцарь невредим» [4, С. 226]

В произведениях и Байрона, и Пушкина смена картины повествования достигается показом смены места странствия героев. Но у каждого из авторов цели их странствий принципиально различны, хотя оба героя вовлечены в меняющееся время и смену мест действия – эпическое пространство. У Байрона – это реальный мир – места и страны, которые посещает Гарольд. Можно составить карту или курс его странствий. Около десяти стран и десятки городов посещает герой, оставаясь при этом равнодушным и безучастным к судьбам их народов. По этой причине Байрон, показывая их борьбу, войны и страдания в авторских отступлениях, уменьшает значимость Гарольда и отодвигает его на второй план в развитии сюжета. Главное место в нем занимают европейские страны (эпический фактор). В их судьбе он противопоставляет величие истории и красоту искусства несовершенной современности, в которой приветствует борьбу за свободу албанцев и Великую французскую революцию.

Иной характер имеет эпический фактор в «Руслане и Людмиле». Герой странствует с целью благородной – найти возлюбленную невесту. Путешествие Руслана сказочное – к фантастическим местам и образам. Неслучайно его соперники в ходе странствий отказываются от поисков Людмилы, олицетворяющей любовь. Хазарский хан Ратмир находит свое счастье в труде и любви к пастушке (модная в начале XIX века пасторальная

литература), смелый воитель Рогдай погибает в битве с Русланом. Лишь трусливый Фарлаф пытается добыть счастье преступным путем: вдохновленный ведьмой Наиной, он убивает Руслана и крадет спящую Людмилу. Согласно сказочным принципам, добро не погибает. Добрый волшебник Финн оживляет Руслана, дарит ему волшебное кольцо и отправляет в Киев. Герой перед съездом в город совершает еще один подвиг: он побеждает осадивших Киев печенегов и возвращается победителем. Итак, победив соперников, злые силы, в том числе похитившего Людмилу Черномора, герой проявляет милосердие. Эпический фактор в поэме имеет счастливое разрешение. Руслан будит Людмилу поцелуем любви, прощает подлость Фарлафу. Заканчивается повествование свадьбой, как в сказках, в которых побеждает добро. Реальность, мрачную, крепостническую, Пушкин противопоставляет счастливой сказке.

И все же оба автора в своих лиро-эпических поэмах – новаторском жанре для начала XIX века, создали предпосылки для романа в стихах. К романским новшествам в «Паломничестве Чайльд Гарольда» и в «Руслане и Людмиле» можно отнести большое число персонажей и сюжетных линий, в которых они участвуют; значительные временные отрезки и большое повествовательное пространство: у Байрона – страны и города Западной Европы рубежа XVIII–XIX веков, у Пушкина – места, в которых живут фантастические образы, но с явными приметам реальности: Киев, Днепр, природа европейской части Российской империи, типы национальных характеров и т. д.

Кроме того, оба поэта ввели в повествование и элементы реализма. Убедительным свидетельством служат «Предисловия» Байрона к первой и второй песням произведения: «Большая часть этой поэмы была написана в тех местах, где происходит действие,...а те части, которые относятся к Испании и Португалии, основаны на личных наблюдениях автора в этих странах. Я упоминаю об этом как *о ручательстве за верность описаний*» (*курсив мой: С. М.*) [4, С. 141]. Не менее новаторским был выбор имени героя, в котором автор использовал еще неизвестный в начале XIX века принцип *типичности*: Чайльд в староанглийском языке означает – «*дворянин, еще не посвященный в рыцари*». Правдивое изображение героя подтверждает и сам Байрон: «...я представляю Чайльд-Гарольду продолжать свою жизнь таким, каким он есть» [1, С. 134].

Реалистическая заданность и типичность характера Руслана заключается в показе Пушкиным его национальных черт – храбрости, верности в любви и всепрощении. Что касается проблемы современности в «Руслане и Людмиле», то автор с помощью изящного художественного слова и создания сказочно-правдивой эстетической атмосферы будто набрасывает на несовершенную реальность начала XIX века прозрачное кружевное покрывало, чтобы читатель мог сравнить прошлое с настоящим и сделать выводы сам. Авторские ремарки на эту тему имеют иронично-шутливый характер.

«Я каждый день, восстав от сна,

Благодарю сердечно бога

За то, что в наши времена

Волшебников не так уж много.

К тому же – честь и слава им! –

Женитьбы наши безопасны...

Их замыслы не так ужасны...» [4, С. 224].

Разгадку аллегории история – современность предлагает сам автор:

«Прости мне, северный Орфей,

Что в повести моей забавной

Теперь вослед тебе лечу

И лиру музы своенравной

Во лжи прелестной обличу» [4, С. 224].

Несмотря на сказочность сюжета, Пушкин стремился к показу реальной жизни даже при использовании фольклорно-фантастического материала, более того, он иронически анализирует чудеса прошлого с точки зрения современной ему действительности.

*«Друзья мои, вы все слышали,
Как бесу в древни дни злодей
Предал сперва себя с печали,
А там и души дочерей; ...»
«И нас пленили, ужаснули
Картины тайных сих ночей, ...»
«Мы с ними плакали, ...
И что ж, возможно ль?.. нам солгали!
Но правду возведу ли я?» [4, С. 224].*

Итак, художественные и жанровые приемы и эксперименты в лиро-эпических поэмах способствовали созданию обоими авторами новой литературной формы – романа в стихах: Байроном «Дон Жуана», Пушкиным «Евгения Онегина»

Для доказательства принадлежности указанных произведений к жанру романа обратимся к его определению в Литературной энциклопедии терминов и понятий: *«Роман – большая форма эпического жанра...Его наиболее общие черты: изображение человека в сложных формах жизненного процесса, многолинейность сюжета, охватывающего судьбы ряда действующих лиц, многоголосие, большой объем» [3, С. 441]*

Выразителем особенностей времени действия выступает герой, наделяемый его типичными (основополагающими) чертами. Герой представлен, как правило, двумя разновидностями: индивидуальный (главный, второстепенный, эпизодический), воплощающий эпические черты в их индивидуальном, неповторимом проявлении – с помощью показа его внутреннего мира (психологически), лирического восприятия жизни, эмоциональности, портретной характеристики. Второй тип героя, названный Анри Барбюсом «коллективным», или собирательным, имеет социальный, политический, национальный и т. д. адресат. И в «Дон Жуане», и в «Евгении Онегине» есть обе разновидности героя. Следует подчеркнуть, что английский поэт в данном случае использует испанскую легенду о ветреном идалго, соблазнителе женщин, подчиняющем свою жизнь удовольствиям. Таким был характер индивидуального героя изначально. Байрон показывает его в эволюции и по замыслу хотел привести Дон Жуана на баррикады французской революции 1789 года. Впервые в мировой литературе используется психологический прием, с помощью которого прослеживается внутренний мир героя, изменяющийся под влиянием окружающей реальной действительности. Байрон испанскую легенду XVI века «осовременивает», придает ей актуальность, злободневность, политическую и социальную значимость, т. е. помещает героя прошлого в мир современности. Обогащаясь духовно, Дон Жуан приобретает и черты типичности, пройдя путь от развращенного богатством соблазнителя до участника борьбы за свободу и, возможно, участия в революции. Выполняя еще одну важную функцию – развития сюжета, Жуан странствует по разным странам, и тем самым с его помощью расширяются пределы повествования и правдивого показа разных стран, жизни их народов и социально-политических систем. Байрон не создает свод правил реализма, но его принципы рассредоточивает как короткие ремарки в тексте произведения.

*«Мой метод – начинать всегда с начала,
Мой замысел и точный и прямой,
В нем отступлений будет очень мало»
«...слышу все ясней
Рассудка мерный пульс в груди моей»*

*«...приближаясь к устью наших дней,
Мы думаем о сущности страстей»
«...о современниках пишу я;
Правдивы ль я изображаю их?»
«...факт есть факт, и дело только в этом
(Я вымыслов не стал бы излагать);
Особо я советую поэтам
В поэмах измышлений избегать...
И, – что и в прозе следует, – не лгать» [2, Сс. 57-58, 110, 198, 199, 345].*

В отличие от Байрона, Пушкин в «Евгении Онегине» предлагает иной тип героя – также выходца из аристократии, но на протяжении всего романа остающегося «сторонним» наблюдателем жизни, эгоистичным, безразличным к людям – «лишним» человеком.

*«Ничто не трогало его,
не замечал он никого»;
«...труд упорный ему был тошен»;
«...он оставил книги, И полку с пыльной ?
Задернул траурной тафтой» [5, С. 317].*

Завершается жизнеописание Онегина анализом его душевного состояния, которое представляет автор:

*«Онегин...
Убив на поединке друга,
Прожив без цели, без трудов
До двадцати шести годов,
Томясь в бездействии досуга
Без службы, без жены, без дел
Ничем заняться не умел» [5, С. 364].*

В характере героя Пушкин подчеркнул два важных фактора: особенности внутреннего мира, психологию личности, ее неповторимость и типичные, свойственные аристократии и дворянству черты, представлявшие новый подход к изображению жизни в литературе, который назовут реализмом. Пушкин, как и Байрон, не создает свода правил реализма, но рассредоточивает по тексту произведения в ремарках автора его основные черты.

*«Благослови мой долгий труд,
О ты, эпическая муза.
И верный посох мне вручив,
Не дай блуждать мне вкось и вкривь.
Довольно. С плеч долой, обуза!
Я классицизму отдал честь» [5, С. 362]*

Насколько важен был для поэта переход от классицизма к реализму подчеркивают следующие слова:

*«Быть может волею небес,
Я перестану быть поэтом,
В меня вселится новый бес,
И, Фебовы презрев угрозы,
Унижусь до смиренной прозы;
Тогда роман на старый лад
Займет веселый мой закат.
...
Но просто вам перескажу*

*Преданья русского семейства,
Любви пленительные сны
Да нравы нашей старины»* [5, С. 328].

Знание реальности Пушкина представлено прекрасным групповым сатирическим портретом петербургского дворянства, живущего, хотя и в новой столице, но по законам патриархальной старины.

*«...в них не видно перемены;
Все в них на старый образец:
У тетушки княжны Елены
Все тот же тюлевый чепец;
Все белится Лукерья Львовна,
Все то же лжет Любовь Петровна,
Иван Петрович так же глуп,
Семен Петрович так же скуп,
У Пелагеи Николавны
Все тот же друг мосье Финмуш,
И тот же шпиг, и тот же муж;
...
Все так же смирен, так же глух,
И так же ест и пьет за двух»* [5, С. 360].

По-иному показано молодое поколение дворянства. Оно странствует по Европе, читает, знает новые экономические теории, и главное – победило Наполеона. Даже эгоистичный и праздный Онегин

*«...умел судить о том,
Как государство богатеет,
И чем живет, и почему
Не нужно золота ему,
Когда простой продукт имеет»* [5, С. 312].

Тот же Онегин предпринял и практические шаги по «учреждению нового порядка»: *«Ярем он
барщины старинной
Оброком³ легким заменил;
И раб судьбу благословил»* [5, С. 320-321].

Поэт предварил представителей критического реализма, показав значимость социальных реформ в России, сторонниками которых были политики, ученые и многие литераторы молодого поколения. Не случайно, описав социальные новации Онегина, автор иронически подчеркивает: *«Отец понять его не мог / И земли отдавал в залог»* [5, С. 312].

В «Евгении Онегине» Пушкин представил и свою эстетическую программу, связанную с реализмом. Не случайно носитель романтических традиций Владимир Ленский погибает от руки своего друга-антипода Онегина. Пушкин упрекает даже Байрона в том, что он *«Облек в унылый романтизм / и безнадежный эгоизм»* [5, С. 328] и за внимание в творчестве к самому себе: *«Чтобы насмешиливый читатель.../ Не повторил потом безбожно, / Что намарал я свой портрет, / Как Байрон, гордости поэт»* [5, С. 319].

Пушкин понимал, что реализм имеет принципиальные отличия от романтизма: *«Прошла любовь, явилась муза, / И прояснился темный ум / ...Я думал уж о форме плана / И как героя назову»* [5, С. 320]. Духовно-эстетическую значимость романа Пушкина изложил в предворяющем его посвящении и назвал его *«залогом души прекрасной», «залогом исполинской мечты», «Поэзии живой и ясной, Высоких дум и простоты»,* но в то же время он подчеркивает, что *«хочет свет забавить» «Поэзии живой и ясной, Высоких дум и простоты»,* а будущий роман называет *«собранием пестрых глав»*. Далее следует обратить внимание на намеренное, не свойственное Пушкину

скопление прилагательных, которым он определяет и особенности его творческой манеры, и стремление к реалистическому показу жизни, и эмоционально-душевное отношение к материалу. Автор обращается к неизвестному другу, к читателю, к человеку, который поймет муки творчества.

*«Прими собранье пестрых глав,
Полусмешных, полупечальных,
Простонародных, идеальных,
Небрежный плод моих забав,
Бессонниц, легких вдохновений,
Незрелых и увядших лет,
Ума холодных наблюдений
И сердца горестных замет»* [5, С. 311].

В эстетической концепции Пушкина находит и окончательное развенчание сентиментализм и даже романтизм: *«Для призраков закрыл я вежды»* [5, С. 326]. Хотя в творчестве поэт все же сохранил романтические тенденции, скажем, в *«Повестях Белкина»* и даже *«Капитанской дочке»*.

Интерес представляет тема, которую реализуют Байрон в *«Дон Жуане»* и Пушкин в *«Евгении Онегине»* – это война Наполеона Бонапарта. К самому Наполеону оба поэта относятся как к узурпатору, хотя и ценят его полководческий талант. Байрон рассматривает войну как губительное для всего человечества явление и мечтает о том, чтобы *«закончил старый мир существованье»*, поскольку он породил войны, голод, трагедии, и Бонапарт – лишь его порождение.

*«Пал Бонапарт – волею судеб
Монархи падают с ценой на хлеб»;
«Ей-богу, даже сам Наполеон,
Пожалуй, не имел такого случая -
Спассти от кучки деспотов закон,
В Европе утвердить благополучие.
А вышло что? Победы шум и звон
И пышных славословий благозвучие
Стихают, а за ними все слышней
Проклятья нишей родины твоей!»;
«Ты многое для вечности свершил,
Но ты о человечности забыл»* [2, С. 362].

Байрон на войны Наполеона, на его победы, поражение и смерть, как и на славу победителя русского императора Александра смотрит с позиции категории вечности: *«Века, мгновенья, атомы, миры / Исчезнут в смене огненной игры»*. Не случайно поэт подчеркивает значимость вечного вопроса, поставленного человечеству Шекспиром: *«Быть или не быть?»* И в его контексте – что стоит и что значат слава Александра и поражение Наполеона?

*«...я не Александр, и гордый зов
Бесплодной славы чужд мне по природе.
Я Бонапарта уважать готов,
Но раб его на память мне приходит,
И я словам абстрактным "власть" и "честь"
Готов пиццеваренье предпочесть»* [2, С. 363].

Тяжесть борьбы и высокую цену за победу оплатил народ своими жизнями, а воспользовались ею правящие классы – *«жирные кутилы»*, *«...их пиры голодная страна и кровью, и деньгами оплатила»* [2, С. 362].

Критика Наполеона в «Евгении Онегине» имеет характер антивоенно-реалистический, эмоциональный, поскольку Бонапарт хотел покорить русский народ и Москву. Пушкин захватническую войну Бонапарта воспринимал как личную трагедию.

«Москва, я думал о тебе!

Москва... как много в этом звуке

Для сердца русского слилось!

...

Напрасно ждал Наполеон,

Последним счастьем упоенный,

Москвы коленапреклоненной

С ключами старого Кремля:

Нет, не пошла Москва моя

К нему с повинной головою.

Не праздник, не приемный дар,

Она готовила пожар

Нетерпеливому герою [5, С. 359].

Политические проблемы, критику царя и восстание декабристов Пушкин представил в IX неопубликованной главе. Самую нелестную характеристику поэт дает императору:

«Властитель слабый и лукавый,

Плешивый щеголь, враг труда,

Нечаянно пригретый славой,

Над нами царствовал тогда.

.

Его мы очень смирным знали,

Когда не наши повара

Орла двуглавого щипали

У Бонапартова шатра» [5, С. 376].

К сожалению, не русский народ воспользовался победой, а царь: *«силою вещей мы очутились в Париже, а русский царь главой царей» [5, С. 376].*

Войны с Наполеоном, восстание декабристов в России, революции в европейских странах стали теми значительными событиями, которые обеспечили эпическую значимость романов Байрона и Пушкина. И в этом плане оба автора понимали и подчеркивали роль русского народа в победе над Наполеоном. Байрон описывает все войны, современником и свидетелем и участником которых был его герой.

«Итак, в Европу спешает он;

Вот миновал плененную Варшаву,

Курляндию, где с именем "Бирон"

Всплывает фарс постыдный и кровавый...

Здесь в наше время Марс - Наполеон

Шел на Россию за сиреной Славой

Отдать за месяц стужу лучший цвет

Всей гвардии и двадцать лет побед» [2, С. 396].

В «Дон Жуане», кроме войны с Наполеоном, довольно широко и многосторонне представлена русская тема – от петровских времен до начала XIX века. Байрон осуждает самодержавие, в произведении упоминаются

десятки фамилий русских исторических деятелей, действительные исторические события и даже царица Екатерина II и др. И на их фоне – война с Наполеоном, выведшая Россию в число ведущих стран Европы. Эта победа стала оценочным фактором в творческой деятельности самого Байрона: *«Моей Москвою будет «Дон Жуан»* [2, С. 419], – отмечает автор, но сатирически отзывается о «Священном союзе», организованном царем Александром I, называя его собранием «ничтожеств разной меры».

В «Евгении Онегине» тема наполеоновской войны представлена предельно кратко, но проблемно значимо и эмоционально.

Гроза двенадцатого года

Настала – кто тут нам помог?

Остервенение народа,

Барклай, зима иль русский бог? [5, С. 376].

Авторское многоточие является своеобразным обращением к читателю, который домыслит ситуацию: боролся и победил народ, а воспользовались победой те, кто *«жаркое и тяжее»*: *«море досталось Альбиону»*, *«муж судьбы...пред кем унизились цари»*, исчез, а *«слабый лукавый властелин»* по-прежнему царствовал в России. Как свидетельствуют оба автора, война и победа обогрены кровью народа, в которую он втянут волею власти и царей. Ведь *«...любому смертному известно, что гром земной страшней, чем гром небесный»* [3, С. 325]. Таким ужас войны представил Байрон в «Дон Жуане».

Для Пушкина важным событием современности, к тому же совпадающим с периодом работы над романом, была подготовка к восстанию декабристов, в которой участвовал и он сам. На собрании будущих повстанцев, *«читал свои поэмы Пушкин»*, а *«меланхолический Якушкин, казалось, молча обнажал царевбийственный кинжал»* [5, С. 377]. Не менее значимую роль революции отводил и Байрон: *«...только революция, наверно, избавит старый мир от всякой скверны»* [2, С. 293].

Следует отметить подобие взглядов Байрона и Пушкина на трагедии современной им жизни. Оба осудили жестокость войн, угнетение народов Европы и, зная беспощадность революции 1789 года, тем не менее не столько оправдали ее, сколько призывали к новой в надежде на справедливость и рождение нового мира *«на развалинах унылых»* старого (Байрон). *«Придет ли час моей свободы? Пора, пора!»* [5, С. 218]. – взывал к ней Пушкин.

К сожалению, темы освобождения народов и установления социальной справедливости остались мечтой обоих поэтов. Байрон в неоконченном романе «Дон Жуан» хотел привести героя к участию во французской революции, но, вместо 24 песен, он успел написать только 16,5. Смерть в Греции, борьбе за свободу которой он посвятил последний период своей жизни, помешала окончить «Дон Жуана». Пушкин о восстании декабристов писал в неопубликованной из-за жестокости цензуры IX главе «Евгения Онегина».

Введение в текст произведений обоих авторов столь значительных событий, изменивших судьбы многих стран, позволяют отнести их не только к событийным основам романа как жанра, но и воспринимать как особенности новой его разновидности романа-эпопеи.

Сказанное выше позволяет сделать выводы о новых жанрово-художественных и проблемно-сюжетных особенностях рассматриваемых произведений Д. Г. Байрона («Паломничество Чайльд-Гарольда» и «Дон Жуан») и А. С. Пушкина («Руслан и Людмила» и «Евгений Онегин»).

1. Впервые романские черты Байрон и Пушкин воплотили в лиро-эпических поэмах, связав их с особенностями сюжета: странствием главных героев и сменой мест их пребывания; введением типических персонажей Чайльда (нарицательное существительное) и Руслана (носитель национальных черт русского характера); представлением значительного количества действующих лиц.
2. Названные особенности лиро-эпических поэмы явились предпосылкой для создания обоими поэтами новой жанровой разновидности – романа в стихах: Байрон «Дон Жуан», Пушкин «Евгений Онегин».

3. В обоих произведениях созданы два типа романских героев: индивидуально-типичный и собирательный, коллективный – эпический. Индивидуальные черты с типичными чертами своей социальной группы – Чайльд Гарольд и Евгений Онегин – представители дворянства, безразличные праздные наблюдатели жизни. Первые образы «лишнего человека». Герои коллективные – у Байрона борющиеся народы Европы, солдаты, аристократия и дворянство стран, в которых бывал Дон Жуан; у Пушкина – поместное и столичное дворянство, крепостное крестьянство России. Особое место в литературе занимает Дон Жуан, которого автор наделяет не только социальными чертами (аристократия, дворянство), но чертами нравственно-эпическими (ловелас, авантюрист). Новым в обрисовке образа был показ его эволюции и изменений внутреннего мира. Жуан прошел путь от бездельника и соблазнителя до участника войны, политического деятеля и, согласно замыслу Байрона, участника революции.
4. Многоголосие и значительное число сюжетных линий связано с показом Байроном и Пушкиным судеб и участие в событиях произведений не только главного, но и второстепенных персонажей: в «Дон Жуане» – донья Инесса, дон Хосе, Суворов, Кутузов, Екатерина II и др. в «Евгении Онегине» – старик Ларин, московские родственники Лариных, няня Татьяны, Зарецкий, Гремин и др.).
5. Как в романе, оба поэта решили проблемы времени и событийности. Байрон показал эпоху русско-турецкой и наполеоновских войн, жизнь в этот период ряда европейских государств, правление Екатерины II и др. Пушкин показал жизнь России, всех ее сословий и подготовку к восстанию декабристов в России. В событиях, введенных в произведения, участвовало большое количество персонажей, обеспечивших большое количество персонажей, обеспечивших решение еще одной проблемы, свойственной реалистическому роману – значительных отрезков времени. В «Дон Жуане» время действия около 50 лет, в «Евгении Онегине» – около 25 лет. Следует учесть, что, кроме реального времени, от автора активно использовались экскурсы в прошлое и историю литературы от античности до начала XIX века.
6. Представленные в работе рассуждения позволяют отнести произведения «Дон Жуан» Дж. Г. Байрона и «Евгений Онегин» А. С. Пушкина к новому для начала XIX века жанру реалистического романа в стихах.

Список использованной литературы

1. Байрон, Д. Г. Паломничество Чайльд Гарольда // Д. Г. Байрон. Собр. соч. в 4 тт. / Под ред. Р. Ф. Усмановой. – М.: Правда, 1981. Т. 2. С. 131 – 289.
2. Байрон, Д. Г. Дон Жуан // Д. Г. Байрон. Собр. соч. в 4 тт. / Под ред. Р. Ф. Усмановой. – М.: Правда, 1981. Т. 1. С. 311 – 370.
3. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А. Н. Николюкина — М.: РАН, ИНИОН, 2001. – 1600 с.
4. Пушкин, А. С. Руслан и Людмила // А. С. Пушкин. Сочинения / Под ред. М. А. Пявловского и С. М. Петрова. – М.: ОГИЗ, 1949. С. 209 – 236.
5. Пушкин, А. С. Евгений Онегин // А. С. Пушкин. Сочинения / Под ред. М. А. Пявловского и С. М. Петрова. – М.: ОГИЗ, 1949. С. 311 – 370б.

А. С. Смирнов,

*канд. филол. наук, доцент (Гродненский государственный университет им. Янки Купалы,
Гродно, Беларусь)*